

А. КРИВИЦКИЙ

28 ГЕРОЕВ-ГВАРДЕЙЦЕВ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 63
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1942

А. КРИВИЦКИЙ

28 ГЕРОЕВ-ГВАРДЕЙЦЕВ

Издательство «Правда»
Москва 1942

На обложке снимок с могилы 28 героев Советского Союза гвардейцев-панфиловцев.

Девушки-колхозницы украшают могилу цветами.

Зам. отв. редактора И. БРУХИМОВИЧ

Издательство „Правда“

Изд. № 1070.

А62117.

Заказ типографии 2764.

Тираж 50 000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1¹/₂. Зн. в 1 п. л. 43.200.

Цена 20 коп.

Подписано к печати 5/ХІІ 1942 г.

Набрано и сматрицировано в тип. газ. «Правда» им.ни Сталина.

Москва, ул. «Правды», 24.

Отпечатано с готовых матриц в типографии «Красное знамя».

Москва, Суцьевская, 21. Заказ 2.

«В славные дни обороны Москвы на один наш рубеж двинулись несколько десятков танков. Этот рубеж защищали 29 советских гвардейцев. Затем их осталось 28. Один был убит самими гвардейцами за то, что оказался трусом и поднял руки перед врагом. А 28 советских людей — среди них были русские, украинцы и казахи — вели неслыханный в истории бой с танками. 18 вражеских танков были подбиты. 28 бойцов не отступили в этом неравном бою, они, защищая Москву, пали смертью храбрых.

Разве можно победить такой народ!»

А С. ЩЕРБАКОВ

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

По всей советской земле разнеслась весть о подвиге 28 гвардейцев во главе с политруком Клочковым, геройски сложивших свои головы на поле брани.

Еще не были названы имена героев, тела их еще покоились на земле, захваченной врагом, но уже обходила фронты молва о сказочной доблести 28 советских богатырей. Только спустя несколько месяцев нам удалось восстановить полную картину гибели горстки храбрецов-гвардейцев.

История славы 8-й Гвардейской дивизии и ее доблестных сынов — это рассказ о нашей отечественной войне с немцами, о победоносной обороне Москвы, об источниках ратного вдохновения советских воинов, об их воспитателях и руководителях.

Ветреный, снежный ноябрь 1941 года. От передовых позиций до Москвы очень недалеко. Если ехать на машине, расстояние можно исчислить двумя часами — не больше...

Политрук Клочков брится в блиндаже при свете

электрического фонарика. Мутный рассвет повис на ветвях холодных сосен и едва-едва вставал из-за леса. Клочков брился и пел. В кармане его гимнастерки лежал билет на Красную площадь. Это знал весь полк, и все ему завидовали.

Кончив бритье, Клочков плотно позавтракал, перекидываясь шутками с протиравшим глаза капитаном Гундиловичем, надел полушубок и перетянул его крест-накрест ремнями.

Гундиловичу еще не хотелось вставать, но Клочков заставил его полусонного выслушать две строфы своего любимого «Бородина»:

«Да! Были люди в наше время...» —

затем церемонно откозырял, распахнул дверь и вышел...

Так, по рассказу Гундиловича, начал день 7 ноября политрук Клочков-Диев.

До шоссе Клочков добрался пешком и с первой же попутной машиной поехал в Москву. Он приехал в город рано. На Красную площадь еще не пускали. Он прошел сквозь оцепление к Каменному мосту — любимому его месту в Москве. Оттуда виден и Кремль, и стальные опоры Дворца Советов, и уходящая во все стороны огромная, словно заколдованная в этот утренний час столица.

Клочков знал и любил историю своего народа, и всякий раз, когда бывал в Москве, он испытывал чувство благоговения перед ее древностями и новой красотой.

Пора идти на Красную площадь. Завтра Клочков

расскажет бойцам-гвардейцам все, что он видел и пережил сегодня.

В это седое зимнее утро великая площадь дышит спокойной торжественностью. Невдалеке от нее, в ста с лишним километрах, находятся враги.

Гремят орудия, комья мерзлой земли взлетают на воздух, наши разведчики возвращаются из ночного поиска, над линиями окопов встает новый день боя, а здесь, на площади, тишина, и только кремлевские куранты бережно вызванивают счет времени.

Здесь незримо сплетается наше прошлое и настоящее. Недвижно стоят полки, построенные для парада.

Крупные хлопья снега осыпают кремлевские башни, каменный покров площади, людей.

Кажется Клочкову, будто весь этот дорогой сердцу русского человека кусок великого города вставлен в огромную снежную раму. И в ней одна за другой проносятся нетускнеющие картины минувшего.

Издали лица бойцов неразличимы. И на мгновение Клочкову чудится, будто там, напротив, стоят ратники Дмитрия Донского, которых собрал он здесь на площади 561 год назад, чтобы вести в битву с Мамаем. Щиты воинов были выкрашены красной краской, и они пошли тремя колоннами вперед, по Большому пути, пролежавшему там, где высятся ныне цветные купола Василия Блаженного...

Падает снег. Еще пуста трибуна мавзолея. И по-прежнему не шелухнутся красноармейские роты и батальоны. Может быть, в такой же напряженной

тишине здесь 329 лет назад построились бородачи-ополченцы Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского. За день до этого смотра, после яростных боев под Москвой, интервенты сложили свое оружие на землю перед русскими воинами и, упав на колени, молили о пощаде...

Тени неумирающего прошлого возникают на Красной площади. В эти утренние часы ожидания военного парада они воскрешают перед Клочковым новую картину. Наполеон под Москвой. В его походном чемодане лежат корона, скипетр и порфира, которыми он хотел венчаться на престол Восточной империи. Отсюда он мечтает двинуться в британские владения, к берегам Ганга.

А в это время здесь, на Красной площади, стоят пехотные и конные полки. Они набраны из добровольцев. Усатые сподвижники Суворова в одном ряду с юными воинами. Они одеты кто во что, но боевые стяги уже выются над их головами. И вместе с ними Михаил Кутузов будет скоро преследовать хваленов наполеоновских гренадеров...

Дух народного бессмертия витает над древней Красной площадью, и когда на трибуне мавзолея появился Сталин вместе со своими соратниками, Клочков ощутил это бессмертие как живую, непоколебимую силу.

...Сталин говорил — и Клочкову с какой-то нозой ясностью открылась суровая история его страны, осененной победоносным знаменем Ленина.

На Красной площади в 1919 году великий Ленин напомнил народу, от каких лихих бед избавилась

молодая республика. Освещенные заревом сожженных деревень, шли по нашей земле кайзеровские солдаты. Стране угрожал германский империализм. Но миновал год борьбы — и вот хищник сломлен и повергнут в прах. Обширные территории, захваченные врагом, становятся вновь советскими. Страна истекала кровью, питалась коркой хлеба, мерзла в окопах, но, измученная и разоренная, она проникалась сознанием своей славы.

..Сталин говорил — и перед мысленным взором Ключкова и всех тех, кто стоял в это мгновение на заснеженной Красной площади, и миллионов людей, не сводивших глаз с репродукторов, возникали грозные картины нашей отечественной войны. И все видели, что враг не так силен, как изображают его перепуганные интеллигентки, что крепнет сила нашего сопротивления, что недалек тот день, когда грянет наша победа.

Голос Сталина далеко слышен: на всю страну, на весь мир. И когда загремели марши военного парада, казалось, словно вся земля пошла походом на немецких захватчиков.

Ключков не раз видел военные парады, сам участвовал в них, но была какая-то необычная внутренняя сила в движении полков перед мавзолеем, с которого только что раздавались слова Сталина. То шли полки, готовые и к смерти и к бессмертной славе. То шли полки великой армии, несущей гибель оккупантам.

Оглядываясь на мавзолей, Ключков покидал Красную площадь. Кремлевские стены были белыми от

снега. В старину русские крепости строились из очень плотных, «кремлевых» деревьев — крепость получала название «Кремль». На старом новгородском наречьи слово «кремляк» означает человек твердого характера. И Ключков думал: «Мы кремлевые люди. Кремль, где живет и работает Сталин,— символ нашей твердости».

В это-то мгновение в сознании Ключкова и родилась мысль, которую спустя девять дней после парада на Красной площади он высказал с такой силой и страстью на поле боя: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

КАЗАХСТАН НА ЗАЩИТЕ МОСКВЫ

Недалеке от дороги, у огромной ели, стоял Ключков. Он только что выбрался из сугроба и, запорошенный снегом, с густыми заиндевелыми бровями, казался сказочным дедом-морозом, вооруженным добрым автоматом. «Деду-морозу» было на вид лет 25. Отряхнувшись, он полез в карман своего полушубка и достал оттуда большое, размером в хороший кулак, темнокрасное яблоко. Ключков аккуратно вытер его платком и надкусил с видимым удовольствием.

В нескольких километрах от линии фронта, среди снегов, в морозный ноябрьский денек — и вдруг румяное, сочное яблоко! Это действительно походило на сказку.

316-я стрелковая дивизия была сформирована в Казахстане. Вскоре она оказалась под Москвой, на защите подступов к столице.

На участке дивизии враг обладал колоссальным численным превосходством. Но и в самые тяжелые для себя дни казахстанцы не давали немцам продвинуться больше, чем на километр — полтора. Это расстояние фашисты проходили по горам трупов своих солдат и офицеров.

По всему фронту гремела слава дивизии, и уже тогда была известна одна примечательная особенность: сквозь участок ее обороны вражеские танки не проходят.

Далекий Казахстан как бы придвинулся тогда вплотную к Москве. В алмаатинских колхозах, в степных поселках — всюду люди жадно ловили каждую весточку о боевых делах дивизии. И когда они узнали, что за воинские подвиги она переименована в 8-ю Гвардейскую, — радости не было границ.

В сердцах гвардейцев еще звучали голоса матерей, жен, детей, отцов и друзей, провожавших их на фронт: «Поддержите честь республики, тучей гряньте на врага, покажите проклятым немцам, что такое Казахстан на фронте!»

И они исполняли свой долг, и на земле Подмосковья стяжали себе гвардейскую славу.

Дивизия стала грозой для фашистов. Из Казахстана летели на фронт телеграммы. Земляки гвардейцев поздравляли их с победами и сообщали о своих производственных успехах. Солнечная рес-

публика добывала уголь, бурила нефть, плавил металл, собирала с огромных полей рис, табак, с пригнувшихся к земле деревьев, отягощенных ягодами, снимала яблоки, груши.

Казахстан снаряжал делегацию в дивизию. Первыми кликнули клич колхозы Сарканского района «Имени XVI партсъезда» и «Светлый путь». На пункты сдачи колхозники привозили свиней, уток, гусей.

Старик Джалдаев, ревниво посмотрев на вполне откормленного кабанчика, доставленного соседом, важно сказал:

— Э, хозяин! Лучше ничего не нашел? Это мышка, а не свинья — джигиту такая на один зуб. Вот посмотри, какая моя: это слон, а не кабан.

И долго стояли односельчане, сравнивая свои подарки гвардейцам.

На табачные фабрики колхозы везли сырье. Рабочие оставались у станков сверхурочно и сделали около двух миллионов ароматных папирос. Их разложили по сто штук в коробки, украшенные надписью «Гвардейские» и рифмованными строчками поэта:

«В бой, дивизия гвардейская!
Под огнем твоих атак
Отступает рать влодейская.
Дело Гитлера — табак».

Приходя домой, рабочие фабрики повторяли эти слова своим знакомым, и скоро вся Алма-Ата знала их наизусть.

К воротам Толкарского спирто-водочного завода

колхозники привезли хлеб, и завод работал лишнюю смену, чтобы приготовить гвардейцам спирт. Кондитеры делали пряники, конфеты и сладкие сухари. (

В коптильнях колбасных заводов висели аппетитные окорока, их снимали с крюков, обертывали в серебристую бумагу и укладывали в объемистые ящики.

Седобородый колхозник пробовал из глиняной чашки темнозолотистое вино. Оно называлось «Луч востока», по имени колхоза, приготовившего две с половиной тысячи литров этого напитка.

Люди окружили дегустатора и с опасением ожидали его оценки. Он взял на язык несколько капель, медленно посмаковал, сделал глоток побольше, затем перелил вино в прозрачный стакан, обратил его в сторону солнца и, посмотрев на засверкавшую влагу, произнес:

— Вино, как солнечный луч. Оно согреет наших гвардейцев и принесет им душистый запах казахстанских степей.

Состав с подарками стоял у вокзала. На вагонах красовались надписи: «На фронт, восьмой гвардейской». Вокруг шумел митинг. Протиснувшись к секретарю алмаатинского обкома Лещеву, сопровождавшему праздничный поезд, пожилая женщина взволнованно говорила: «Передайте сыну привет, поцелуйте его от меня, скажите, пусть будет героем».

— Фамилия? — спросил Лещев.

Женщина назвала имя, но оно потонуло в громе аплодисментов, зазвучавших после чьей-то речи.

— Не могу разобрать!

И тогда женщина, приложив руки к сердцу, снова что-то сказала, и ветер донес ее слова: «Всем скажите, всех обнимите». Родина-мать обнимала своих вооруженных сыновей, благословляя на подвиги.

Поезд ушел на фронт. Он вез гвардейцам щедрые дары Казахстана: ветчину и сладости, полушубки и сапоги, вино и стихи. Столетний Джамбул пропел своим молодым друзьям:

«Громче, чем гвардия, не слышал,
Ярче, чем гвардия, не встречал,
Слаще, чем гвардия, не твердил,
Тверже, чем гвардия, не чертил,
Чище, чем гвардия, не вдыхал,
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков...
Праздник сегодня удвоен мой:
Почести край удостоен мой.
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на племе своем храня
Прикосновение старческих рук,
Им унесенное от меня.
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул, —
Поступь победы слышит Джамбул».

И еще один подарок сделал Казахстан своей дивизии. Она нуждалась в пополнении, и республика дала ей новых бойцов, молодых, белозубых, веселых, сильных, таких же здоровых и сильных, как их братья и земляки, уже овеванные порохом и славой.

Несколько дней провела казахстанская делегация в гостях у дивизии. Гвардейцы никогда не забудут этого времени. С какой-то особой силой они ощутили кровную связь советского народа с его Красной Армией, нерасторжимую дружбу фронта и тыла. На прощальном вечере комиссар дивизии Егоров сказал, обращаясь к делегатам:

— Вы ничего не жалеете для нас. Нас любят так крепко, так восторженно, что мы спрашиваем самих себя: чем мы отплатим вам и всей советской родине за заботу и ласку?

И из притихшего зала прозвучал голос:

— Стойкостью, победой!

И все поднялись с мест, и загремело «ура», и делегаты обнимали гвардейцев, целовали их и повторяли только одно:

— Бейте немцев, бейте на смерть, бейте как казахстанцы, как гвардейцы, как советские богатыри, не отдавайте Москвы!

А потом началась раздача именных подарков, и генерал, посмотрев на стрелки поднесенных ему золотых часов, сказал:

— Ну, уже поздно! Пора благодарить делегатов и закрывать вечер. Завтра будет трудный день.

Вот и вся история о желто-красном алмаатинском яблоке в руках у политрука Клочкова, стоявшего на снегу возле ветвистой ели. Это история нерушимой связи и дружбы нашего тыла и фронта, дружбы, в точновившей Клочкова и его гвардейцев на бес- смертный подвиг.

ЭТО БЫЛО 16 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

На 147-й день войны, 16 ноября, Гитлер предпринял второе генеральное наступление на Москву. Немцы бросили на столицу 51 дивизию — 18 танковых и механизированных и 33 пехотных. Когда весной 1940 года против Франции на всем фронте, от моря до Седана, действовали 10—11 бронетанковых дивизий, весь мир содрогнулся от ужаса перед этой концентрацией техники. На одну Москву было брошено больше бронетанковых частей, чем против всей Франции.

10 ноября Гитлер обратился с приказом к своим войскам, в котором объявил начало последнего, «решающего» наступления. «Путь, — гласил приказ, — готов для сокрушительного и окончательного удара, который раздавит противника до начала зимы».

Это было 16 ноября 1941 года, в первый день нового немецкого наступления.

Панцирные колонны врага двигались по Волоколамскому шоссе. Они рассчитывали, не останавливая заведенных моторов, ворваться в Москву.

Но 316-я стрелковая дивизия, ныне 8-я Гвардейская краснознаменная имени генерала Панфилова, преградила им дорогу.

Товарищ Сталин отдал приказ — задержать немцев во что бы то ни стало. И на пути гитлеровцев выросла непреодолимая стена советской обороны.

Полк Карпова, в котором Ключков был политруком роты, занимал оборону на линии: высота 251 — деревня Петелино — разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта Добробабина.

В тот день разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населенных пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали свыше 80 танков, 2 полка пехоты, 6 минометных и 4 артиллерийских батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов.

Грянул бой.

Прежде всего 28 героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, должны были выдержать многочасовую схватку с вражескими автоматчиками.

Используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка, туда устремилась рота фашистов. Они не думали встретить серьезное сопротивление.

Бойцы безмолвно следили за приближающимися автоматчиками. Сержант Добробабин точно распределил цели. Немцы шли, как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже только 150 метров. Вокруг царила странная, неестественная тишина.

Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский, молодецкий свист! Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов.

Атака автоматчиков отбита. Более 70 вражеских трупов валяется недалеко от окопа. Лица уставших

бойцов задымлены порохом, люди счастливы, что достойно померялись силами с врагом.

Но не знают они еще, не ведают, что главное — впереди.

Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому 28 гвардейцами.

Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой.

Вдруг они услышали знакомый бодрый голос:

— Здорово, герои!

К окопу добрался политрук Клочков.

Страна прославила его под именем Диева. Однажды красноармеец украинец Бондаренко сказал про него:

— Наш политрук постоянно дие!

По-украински «дие» значит работает, действует. И верно: Клочков всегда был в движении. Никто не знал, когда он спит. Деятельного и неутомимого его любили бойцы, как старшего брата, как родного отца.

Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и полк. Клочковым политрук значился только в документах. Даже командир полка звал его Диевым.

В тот день Диев первый заметил, куда направляется танковая колонна врага, и поспешил в окоп.

— Ну что, друзья,— сказал он бойцам,— двадцать танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так много!

Бойцы улыбнулись.

Пробираясь к окопу, Диев понимал, что ждет его

и товарищей. Но сейчас он шутил и, ловя на себе одобрительные взгляды бойцов, думал: «Ничего — выдержим до конца!»

Вот они все перед ним — товарищи, с которыми ему предстояло разделить и славу и смерть.

— Ни шагу назад! — раздалась команда политрука Диева.

В этот час горстка героев не была одинока.

С ней было великое прошлое нашего народа, грудью отстаивавшего свою независимость.

С ней были доблестные победы русской гвардии, о которых фельдмаршал Салтыков еще во время Семилетней войны с пруссаками доносил в Петербург: «Что до российских гвардейцев касается, могу сказать, что противу их никто устоять не может, а сами они подобно львам презирают свои раны».

С ней была доблесть и честь Красной Армии, ее боевые знамена, которые в эти минуты как бы осеняли героев.

С ней было великое сталинское благословение на беспощадную борьбу с врагом.

Разгорелся невиданный бой. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, подрывали их гранатами, поджигали бутылками с горючей жидкостью.

Бой длился более четырех часов, а бронированный кулак фашистов все не мог прорваться через рубеж, обороняемый гвардейцами. Четырнадцать танков неподвижно застыли на поле боя.

Но уже убит сержант Добробабян, убит боец Шемякин, истекает кровью Петренко, лежа на соломе, покрывающей дно окопа, мертвы Конкин, Шадрин, Тимофеев и Трофимов.

В это время в сумеречной дымке показался второй эшелон танков. Среди них несколько тяжелых. Тридцать новых машин насчитал Клочков. Сомнений не было: они шли к железнодорожному разъезду, к окопу смельчаков.

Ты немного ошибся, славный политрук Диев! Ты говорил, что танков придется меньше чем по одному на брата. Их уже почти по два на бойца. Родина, мать-отчизна, дай новые силы своим сыновьям, пускай не дрогнут они в этот тяжелый час!

Воспаленными от напряжения глазами Клочков посмотрел на товарищей. Он вспомнил Москву, Красную площадь, тот ветренный день, когда увидел Сталина на трибуне мавзолея.

— Тридцать танков, друзья, — сказал он бойцам, — придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!

— Давай поцелуемся, Диев!

И все они, кто был в окопе, перецеловались и скинули ружья и приготовили гранаты.

Бражеские танки все ближе и ближе... Уже тридцать минут идет бой. Подбито и горит около десятка танков.

Однако выходят из строя один за другим смельчаки, нанося врагу из последних сил меткие удары.

Танки уже у самого окопа. Немцы выскакивают

из люков, чтобы живьем взять храбрецов и расправиться с ними.

Но по команде политрука Диева поднимаются им навстречу бесстрашные:

— Гвардия умирает, но не сдается!

Кончаются боеприпасы. Гибнет Москаленко под гусеницами танка, царапая голыми руками его стальные плиты. Прямо на дуло вражеского пулемета идет, скрестив руки на груди, Кожабергенов.

Диев, сжимая последнюю связку гранат, бежит к тяжелой машине, только что подмявшей под себя Безродного. Политрук успевает перебить гусеницу; чудовища и, пронзенный пулями, опускается на землю.

Убит Диев... Нет, он еще дышит. Рядом с ним, окровавленный и умирающий, голова к голове, лежит раненый Натаров. Мимо них, с грохотом и лязгом, мчатся танки врага, а Диев говорит своему товарищу:

— Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...

Он не кончил фразы и застыл.

Так умер политрук Диев-Клочков, отдавший жизнь мужественному деянию на поле брани.

Обо всем этом рассказал Натаров. Ползком он добрался в ту ночь до леса, изнемогая от потери крови, бродил несколько дней, пока не натолкнулся на группу наших разведчиков.

Да и без того мы хорошо знаем, что хотел сказать нам Диев, когда над ним витала неумолимая смерть.

— Мы принесли свои жизни на благо отечества, — сказали нам герои. — Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Стиснув зубы, будьте стойки! Мы знали, во имя чего мы идем на смерть. Мы преградили путь врагу. Идите в бой с фашистами и помните: победа или смерть! Другого выбора у вас нет, как не было его и у нас. Мы погибли, но победили!

Это завещание живет в сердцах воинов Красной Армии.

ОТЕЦ 28 ГЕРОЕВ-ГВАРДЕЙЦЕВ

Нравственная сила — царица армии, а героизм есть результат целесообразного военного воспитания, говорит нам военная история. И моральный дух, поднявший 28 гвардейцев на вершину героизма, был не даром судьбы, не минутной вспышкой отваги, а славным результатом терпеливого, упорного воспитания людей.

Старый воин — полковник Капров, — спокойный комиссар Мухомедьяров, полный отваги капитан Гундилович, в чьей роте был политруком Диев-Клочков, были нравственными учителями гвардейцев, остановивших 50 танков врага. И все они учились героизму и умению воевать у своего командира генерала Панфилова, чье славное имя носит дивизия.

Есть военачальники, чья судьба — еще при жизни стать сказочными героями, служить примером всем воинам. Таков генерал гвардии Иван Панфилов — отец 8-й Гвардейской дивизии, воспитатель 28 гвар-

дейцев. Еще живым блеском лучились его ясные глаза, еще часовой у командного пункта замирал от восторга, когда генерал, выходя из землянки, отечески клал ему на плечо свою руку, еще звучал в батальонах его чуть хриловатый от стужи голос, а легенда уже подняла на свои широкие легкие крылья его имя и понесла по советской земле.

Гвардеец Даниил Кожабергенев говорил в кругу бойцов-казахов:

— Э, люди, послушайте, что я скажу вам. Наш генерал — Чапаева любимый брат. Я точно знаю это, мне говорил Клочков — наш политрук. Открыл Панфилову большой секрет Чапаев: как одному сразить врагов десяток. Того секрета немцы не узнают никогда. Наш генерал, он славный полководец, хвала ему! С ним жить легко и умереть нестрашно!

Кожабергенев говорил нараспев, и слова его рассказа сами собой складывались в песню. В ней чудесно переплелись правда и вымысел, и вся она была летучим вестником славы, осеняющей сейчас погибшего генерала Панфилова.

Он не был братом Чапаева, но бился с врагами в Чапаевской дивизии. Чапаевский секрет — это секрет русского воинского уменья, большевистского упорства и бесстрашия в бою. Всем этим владел Иван Панфилов.

Он провел в строю четверть века и прошел путь от солдата царской армии до генерала советской гвардии. В его биографии две большие войны, одна — в начале военной службы, вторая — в конце, и обе с немцами.

Жизнь, бросив Панфилова солдатом в окопы первой империалистической войны, ковала из него полководца. И выковала храброго, искусного воина, богатого на выдумку и щедрого на новизну в военном искусстве.

В далеком Казахстане Панфилов формировал свою дивизию и уже тогда знал, какой грозной силой станет она в боях с врагом.

И когда его полки маршем двинулись сквозь туманы Северозападного фронта к Москве, на защиту столицы, генерал понимал, что борьба будет жестокой, не на жизнь, а на смерть, но был уверен — дивизия не дрогнет:

Он открыл уже своим стрелкам секрет победы, закалил их в трудах боевой учебы и на поле брани. Полки шли к Москве, готовые и к смерти и к бесмертной славе.

«Герой, подтянутый и строгий,
Стоит Панфилов у дороги.
Ему, чапасьцу, видны
В боях окрепшие сыны.
Глядит в обветренные липа,
На поступь твердую полков,
Глаза смеются, он гордится:
Боец! Он должен быть таков!
Его боец!.. Пускай атака,
Пусть рукопашная во рву —
Костью поляжет и, однако,
Врага не пустит на Москву».

Пять фашистских дивизий противостояло бойцам Панфилова. Тридцать тысяч немецких солдат и офи-

церов и свыше ста пятидесяти вражеских танков еще при жизни генерала уничтожила его дивизия в боях за Москву.

Мы еще сами иногда не понимаем всей полноты того, что произошло на подступах к советской столице. Дивизия Панфилова была одной из тех дивизий, которые с наибольшей мощью круто оборвали расчеты врага на падение Москвы.

Дивизия наводила ужас на врагов. Генерал Панфилов быстро изучил тактику немецких войск и нашел меры противодействия ей. Он понимал свою ответственность перед родиной и делал все, чтобы оказаться на высоте воинского долга.

Когда на командный пункт принесли газеты с Указом Президиума Верховного Совета о награждении дивизии орденом Красного знамени и преобразовании ее в Гвардейскую, слезы радости выступили на глазах сурового генерала.

— Это Сталин всем нам руку пожал,— сказал он своему сподвижнику комиссару Егорову и окружавшим его командирам.— Пойдите, да так и скажите бойцам.

Генерал Панфилов был настоящим сыном своего народа, преданным ему до гроба. Он был воином чапаевской удали, суворовского склада ума, сталинской закалки.

Его обожали бойцы. Они любили его той сильной и мужественной любовью, которая возникает в огне сражений, когда генерал делит опасность с красноармейцем и своим воинским талантом добывает желанную победу. Они готовы были идти за ним

огонь и в воду. И шли повсюду — доблестные, отважные.

Но не раз, когда генерал объезжал батальоны и роты, бойцы умоляли его уйти с линии огня и управлять боем из более безопасного места. Сердясь и покрикивая на гвардейцев, генерал отвечал:

— Ну, ну, в няньки лезете! Забыли: чем ближе мы к немцу, тем больше ему перцу.

И, похлопывая по плечу Кожабергенова, с немой любовью смотревшего ему в глаза, Панфилов усмехался:

— Не гони, брат, меня отсюда. Где жарче бой, — там и мы с тобой! Так-то!

Бесстрашный гвардейский генерал принадлежал к числу тех военачальников, которые были заботливо отобраны великим Сталиным для организации победы в исторических боях под Москвой.

Панфилов оказался полностью достойным доверия вождя. Необыкновенно страстная любовь к родине и жгучая ненависть к врагу, высокая военная культура, гибкий, острый ум, неумолимая требовательность — вот черты Панфилова, одного из блестящих представителей советского генералитета.

Немцы знали опасную силу генерала Панфилова. Он был страшен им и после смерти. Когда 8-я Гвардейская после кровопролитного боя рванулась к Крюкову, жители этого села в разных домах рассказали нам о «жалобах» немцев: солдаты и офицеры, коверкая русские слова, удрученно говорили: «Надо уходить, нас смертельно преследует злая панфиловская дивизия».

...Однажды в полку хоронили первого убитого под Москвой бойца дивизии — Ефима Масеяша. Участники боя произносили слова горечи и гнева. Поднимая вверх оружие, бойцы клялись, что отомстят за жизнь товарища, геройски павшего во время дерзкого ночного налета на тыловую базу немцев. Его несли на руках к могиле. Ему отдали воинские почести.

Во всех ротах и взводах политработники говорили с бойцами о подвиге Масеяша, прославляя павшего героя.

Когда комиссар Логвиненко рассказал Ивану Васильевичу Панфилову, как бойцы простились с первым убитым, он спросил:

— А на родину, семье, вы написали? Письмо, товарищ Логвиненко, должно быть таким, чтобы не только сыновья, но и внуки и правнуки с гордостью показывали его. Бессмертье — вот награда тому, кто умирает смертью храбрых. Подумайте об этом, товарищ Логвиненко.

Эти слова генерала запомнились всем. Подвиги, совершенные гвардейцами, политработники доводили до сознания каждого бойца и командира, учили людей презрению к смерти, во имя победы. О подвигах героев узнавала вся дивизия. О них писали в газете, складывали песни, о них рассказывали бойцам.

Это есть подлинное бессмертие: подвиг живет в памяти народа, слава подвига осеняет семью героя и боевые ряды воинов.

В напряженной обстановке октября 1941 года, когда немцы, прорвавшись под Вязьмой, хлынули к Москве, когда на каждого панфиловца приходилось порой по десять—двадцать врагов, в дивизии неустанно заботились о том, чтобы имена павших за родину были известны всем бойцам.

Таково имя капитана Манаенко, который гранатами подорвал два фашистских танка и погиб в охваченном пламенем сарае, окруженный автоматчиками и танками врага, предпочитая сгореть в огне, но не сдаться немцам. Он был начальником штаба полка, где потом родились двадцать восемь, и погиб за месяц до 16 ноября.

Подвиг одного героя рождает доблесть другого и готовит почву для массового героизма. Можно сказать, что ко дню 16 ноября, когда немцы начали второе наступление на Москву, такое бессмертье стало мечтой многих панфиловцев: победить врага даже смертью своей, чтобы жить вечно в памяти народа-героя.

16 ноября было не только днем двадцати восьми, но и днем массового героизма панфиловской дивизии...

Немецкие танки устремились вперед разными дорогами. У разъезда Дубосеково их остановили двадцать восемь героев. Второй отряд — 27 танков — двигался с другой стороны Волоколамского шоссе, пытаясь выйти в тыл панфиловцам.

В деревне Строково был оставлен заслон — одиннадцать саперов во главе с младшим лейтенантом Фирстовым и политруком Павловым. Ни один не

убежал, когда показались танки. Подбив несколько машин гранатами, они на целый день задержали здесь немцев.

Третья колонна танков в этот же день была остановлена взводом истребителей Толгарского полка, которые вошли в историю дивизии под именем семнадцати бесстрашных.

Эта группа танков тоже стремилась выйти в тыл дивизии. То был критический момент, когда панфиловцы только вышли из одного кольца танков и враг снова хотел их сдавить в тиски. Истребители с гранатами вышли навстречу танкам на дорогу близ села Мыканино. Политрук Георгиев, возглавлявший взвод, уравновешенный и тихий человек, получив приказание, вынул из кармана партбилет и, обращаясь к комиссару Логвиненко, произнес:

— Товарищ комиссар, разрешите у вас оставить!

Логвиненко взял билет, раскрыл. С маленькой фотокарточки на комиссара глядели спокойные, открытые глаза. Комиссар посмотрел на Георгиева: его взор оставался таким же и в этот момент. Протягивая билет Георгиеву, Логвиненко сказал, почему-то назвав его по имени и отчеству:

— Вот что, Андрей Николаевич, эта красная книжка говорит о твоей принадлежности к непобедимой большевистской партии. Пусть она и в бою будет с тобой. Так будет сильнее!

Комиссар поцеловал Георгиева. Через несколько часов он снова держал в руках партийный билет политрука. На нем запеклась кровь, окрасившая краешки внутренних листков. Теперь этот билет —

его номер 2691175 драгоценная реликвия панфиловской дивизии.

Политрук Георгиев погиб. Но танки не прошли. Четыре машины были взорваны гранатами, другие повернули назад.

...В тот памятный день Панфилов спросил у своего друга — полковника Капров.

— Кто у тебя на фланге возле разъезда Дубосеково? — Панфилов помнил своих пленцов наперечет, по именам.

— Капитан Гундилович, — ответил Капров.

— Мал ростом, да велик отвагой! Как люди его, все ли живы? Как Кожабергенов и Добробабин, Натаров? Пусть скажут всем, что я лично приказал держать рубеж, хотя бы вся немецкая армия пошла на него.

Клочков, Кожабергенов и другие были в окопе. Они знали приказ генерала. Они знали секрет борьбы одного против десяти. Танки врага не прошли. Двадцать восемь панфиловцев погибли, не сделав назад и шагу.

Так они и стоят перед нашим мысленным взором — двадцать восемь гвардейцев, с израненными телами, с ресницами, сожженными порохом, — воины-герои, окружающие своего седого, блистающего славой героя-генерала, имя которого волнует сердца солдат и сверкает, как пылающий меч сталинской гвардии.

НА МЕСТЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ БИТВЫ

Стояло тихое, морозное утро, навсрно, такое же, как и в день 16 ноября. Наши части овладели Дубо-сековым.

Мы направлялись к месту легендарного сражения двадцати восьми гвардейцев. Последнюю ночь бушевала метель, и отряд шел по снежной целине. Впереди осторожно двигались саперы с миноискателями.

— Здесь, — сказал капитан Гундилович, — друг погибшего Клочкова.

Вокруг расстилалась ровная белая пелена. Слева, за небольшой рощицей, протянулась линия железной дороги. Справа стояли одинокие ели. Ничто не напоминало о разыгравшихся здесь событиях.

Мы заработали лопатами. Минута, другая, третья, и постепенно из-под снега стало возникать поле битвы. Вот показался кусок бруствера окопа. Вот обнажен угол блиндажа. Вот лопата соприкоснулась с чем-то металлическим, и появилась каска, а следом за ней кинжал. Вторично на том же месте вырастает в землю окоп полного профиля.

Комья снега стали желто-красными. В хрусталиках льда, как в сосудах с драгоценной жидкостью, заалела кровь. Она теперь повсюду, эта священная кровь погибших героев, — на нижних бревнах блиндажа, на открытом противогазе, на вытащенной плащ-палатке, на снегу вокруг.

Показалось тело. Сначала ноги, потом туловище. Военком дивизии полковой комиссар Егоров, полковник Капров, начальник политотдела дивизии Га-

лушко и капитан Гундилович бережно поднимают на руки труп героя. У него размозжена голова. Нельзя узнать, кто это: Крючков с его строгим, спокойным лицом, Есибулатов или, может быть, веселый сержант Добробабин?

Но это не Диев. Местные жители, хорошо знавшие кипучего политрука, тайком от немцев разыскали его труп и схоронили за сторожкой путевого обходчика.

Павшего товарища опустили на землю. Карманы его шинели, гимнастерки и брюк вывернуты. В них нет ни одного документа. Унесли немцы и ушанку и сапоги убитого.

Рядом с ним в окопе нашли записную книжку. Она была еще чистой и хранила лишь номер винтовки — 21789. Запомним его. Эта винтовка стреляла без промаха.

Все смотрели на свежий могильный холмик. Возле него выстроился взвод молодых гвардейцев-панфиловцев. Им не раз рассказывали историю подвига двадцати восьми, и теперь они сами увидели одного из них.

В безмолвии и скорби, с обнаженными головами, застыли бойцы, и я увидел седины старого воина-полковника Капрова, стоявшего впереди своих новых птенцов-гвардейцев, которых он сделает орлами в бою.

Начальник политотдела дивизии Галушко взволнованно произносит надгробное слово:

— Мы помним ваше завещание, герои. Мы слы-

шим ваши предсмертные голоса. Мы сделаем все; чтобы быть достойными вашей доблести и чести.

Прогредел троекратный торжественный салют. Как бы могучим эхом ему отозвался гром наших пушек. За спиной находились огневые позиции артиллерии, а впереди, в нескольких километрах кипел бой.

И такими живыми стали в нашем сознании погибшие панфиловцы, что казалось, будто пройдет еще мгновение и, блистая славой, они восстанут из могилы, чтобы устремиться туда, где идут в наступление наши полки.

Это сознание живущих и есть бессмертие павших. Тихо шепчут их имена седобородые старцы; юноши и девушки с волнением думают о легендарных героях. В песнях, поэмах, сказаниях, в мраморе и красках увековечиваются их образы. Весь советский народ хранит память о своих богатырских сынах.

Среди них были и русские, и украинцы, и казахи. Их воинское товарищество, скрепленное кровью, стало воплощением великой боевой дружбы народов нашей страны, поднявшихся на своего смертельного врага.

ДИВИЗИЯ БОГАТЫРЕЙ

Не только по всей нашей земле, но и в Англии и в Америке — всюду, где дружески следят за подвигами Красной Армии, люди с волнением говорят о 28 национальных героях нашей страны, подняв-

Ейхся к вершинам человеческого мужества и стойкости. Все они награждены званием Героя Советского Союза.

Восьмая Гвардейская дивизия, воспитавшая этих чудо-богатырей, свято хранит их боевые традиции. К могильному холмику у разъезда Дубосеково, где пали 28 гвардейцев, приходят поклониться жители окрестных деревень, а дивизия имени Панфилова ушла на запад, чтобы в новых победных боях воскресить память о погибших героях.

Дивизии предстояло выполнить сложную боевую задачу, связанную с окружением немецкой группировки войск. Перед началом операции военком орденоносец Егоров говорил бойцам:

— Помните, друзья гвардейцы, завещание наших 28 братьев. Покажем врагу, что в нас живет их бессмертная сила. Мы идем вперед, и горе тому, кто станет на нашем пути!

Молодым гвардейцам ветераны-панфиловцы по долгу рассказывали о подвиге 28 героев, и каждое слово этих волнующих рассказов западало глубоко в душу.

Дивизия двинулась вперед. Увязая по пояс в снегу, прокладывая себе путь сквозь лесные чащи, шли отважные панфиловцы, помня боевой приказ и напутствие своего комиссара. Только за 10 дней они совершили победоносный наступательный марш более чем в 100 километров. За это время гвардейцы-панфиловцы освободили от немецких оккупантов свыше 250 населенных пунктов, уничтожили около 4 тысяч вражеских солдат и офицеров, захватили

700 автомашин, много орудий, боеприпасов и другие трофеи.

Однажды часть полковника Капрова, всю ночь преодолевая бесчисленные препятствия бездорожья, выдвинулась далеко в неприятельский тыл. Гвардейцы подошли к большому населенному пункту, где находились гарнизон фашистов и их крупные склады. Появление советских бойцов было неожиданным. Словно из-под земли выросли на окраине села наши автоматчики и во главе с политруком Габдулиным ворвались в него. Натиск был столь внезапным и стремительным, что полусонные, ничего не понимавшие немцы побежали в полном смятении. Панфиловцам достались целехонькие склады и множество оружия.

Наутро бой продолжался в лесу, далеко за селом. Немцы, оправившись и подтянув из глубины новые силы, предприняли серию яростных контратак. Но то, что взяли гвардейцы, они не отдают обратно. Стойкость панфиловцев уже хорошо известна врагам. Вперед выдвинулось подразделение капитана Гундиковича, то самое, в котором выросли 28 героев. Оно смело приняло на себя удары врага и отбросило гитлеровцев к следующему населенному пункту.

Там фашисты сосредоточили большие резервы, успев заблаговременно превратить все дома в укрепленные огневые точки. Немцы зарывали в землю танки, используя их как бронированные доты. Тщательно замаскированные стояли минометные батареи. Всю массу своего огня неприятель обрушил на полк, которым командует Капров.

Казалось, что сквозь эту смертоносную завесу нельзя пробиться. Но панфиловцы видали виды. Не раз они доказывали, что советская пехота способна опрокинуть любые преграды. Комиссар Логвиненко однажды метко сформулировал девиз пехотинцев-гвардейцев: «Пуля, мина и снаряд страшны тем, кто отступает или лежит на месте. Противник ведет огонь, значит, — вперед! Только это заставит его замолчать».

Так и теперь панфиловцы неудержимой лавой бросились вперед. Грозен был их удар. Они понесли немалые потери, но прошли через огонь и очутились лицом к лицу с врагом. Гвардейцы дорвались до рукопашного боя и положили вокруг себя 800 трупов фашистов.

Капитан Мамыш-Ола, человек со строгим, будто окаменевшим лицом, говорит молодым гвардейцам: — У нас в Казахстане есть пословица: «Когда идет сражение, нужно лишиться глаз и ушей — не видеть числа врагов, не слышать свиста их стрел, — надо иметь руки, чтобы их убить».

Гвардейцы-панфиловцы не боятся смерти и знают одно: то, что сделали 28 героев, должен сделать любой из них, если это будет нужно.

Ленинakanский рабочий гвардеец Тулеген Тохтаров — один из тех, кто стоял в почетном карауле у окопа 28 героев, — в бою у крупного села вырвался далеко вперед, к самой его окраине. Немцы хотели захватить его живьем, но он перестрелял всех, кто пытался к нему приблизиться, и продол-

жая продвигаться вперед. Он не оглядывался назад. Где-то за ложиной товарищи — они придут

Враги решили покончить со смельчаком. Шутка ли — целый взвод пошел на Тохтарова! Немцы думали, что это будет похоже на облаву неосторожного оленя. Но перед ними был лев с гордым, презирающим опасность сердцем. Казалось, герой действительно не замечал грозившей ему неминуемой смерти. Он вел прицельный огонь из автомата, и взвод, целый взвод немцев, вынужден был припасть к земле.

Группа фашистов зашла смельчаку в тыл. Они опять попытались взять его живым. Он один, не дрогнув, принял рукопашный бой, и тогда разъяренный офицер выстрелил в него. Тохтаров пошатнулся. Смерть уже закрывала ему глаза. Но из последних сил он ударил прикладом автомата офицера, разmozжил ему голову и упал бездыханный на снег.

Жизнь героев — деяние. Погибая, они оставляют своему народу подвиги.

Слава подвига нерушима, бессмертна, и нет такой силы на свете, которая могла бы погасить святой огонь великого дела. Как маяк, высоко возмесаенный над землей, светит подвиг, указывая путь живущим.

Такова судьба 28 героев-гвардейцев. В бесстрашии Тулегена Тохтарова, в прекрасном воинском вдохновении сотен панфиловцев, в ордене Ленина на знамени дивизии, в отваге нашей гвардии вновь и вновь воскресло их великое мужество.

БЕССМЕРТИЕ ГЕРОЕВ

Наступило лето 1942 года. Вот он снова, разъезд Дубосеково. Нужно пройти немного вправо, метров сто, и вы окажетесь там, где 28 гвардейцев-панфиловцев бились с 50 немецкими танками.

Мы были здесь зимой, вскоре после того, как советские войны освободили этот край от врага, Тяжелый снег сверкавшим на солнце белым саваном покрывал этот рубеж славы.

Нельзя было угадать, где стояла горстка героев в свой последний час, где немецкий бронированный вал разбился о сталь невидимых преград.

Теперь земля обнажена, и перед нами вся арена боя. Вот блиндаж. Вешние воды размыли его глинистые стены. И бревна наката, почерневшие от обильных дождей, рухнули вниз. Рядом простирается извилистая линия окопа. Его дно поросло травой, синими васильками, бледножелтой сурепкой, зеленым молочаем.

Вот здесь, всматриваясь окрест, стояли герои. Отсюда, хватаясь рукой за бруствер, покрытый ледяной корой, они поднимались навстречу танкам. Может быть, там, где сейчас вечерний ветер колышет ветки редкого кустарника, упал смертельно раненый Клочков-Диев. Здесь неподвижно застывали дымные громады подорванных танков. Здесь лежали они, герои, пробитые пулями...

Сейчас мы знаем новые подробности о последних днях вожака отважных. Семья железнодорожного рабочего Макарова видела его за день до немецкой

атаки — 15 ноября. Он жил в их доме, но часто ночевал в роте. Клочков был весел и напевал свою любимую песню — лермонтовское «Бородино», ту, которую он пел своему другу Гундиловичу в день 7 ноября, когда ехал в Москву, на Красную площадь:

Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Он позвал к себе бойцов. Мы знаем их имена. Там были Есибулатов, Крючков, Кожабергенов, Бондаренко — все те, с кем предстояло ему разделить в этом окопе и смерть и славу. Клочков сначала смеялся, шутил, а потом вдруг стал серьезным, сделал несколько шагов по комнате и сказал:

— Много людей, ребята, померло когда-то за Москву. И теперь ее далеко видать. А о тех, что кровь свою пролили, мы сейчас песни поем. Может быть, и нам придется стать здесь насмерть. И о нас когда-нибудь споют хорошее. Споешь, Миша? — спросил он, обернувшись к своему маленькому другу Мише Скобкину.

Мальчик примостился в углу, на некрашенной лавке. В глазах его стояли слезы. Он кивнул головой и тихо ответил:

— Спою, дядя Вася!

Сейчас Миша не плакал. Он стоял рядом с нами возле окопа и рассказывал, что брат Николай ушел в армию, что и он тайком от отца бегал за 7 километров в Волоколамск, просился в бойцы, а там

майор из военкомата дал ему конфет и отправил домой. Конфеты он съел, но в Красную Армию все равно уйдет и будет таким, как дядя Вая, а песню про него он уже учит, слова есть — прочел в газете, — только мотива еще не подобрал.

Мальчик говорил торопливо, взволнованно. В небе над этим полем брани сияла холодная, словно металлическая луна.

Священный трепет охватывал душу: вот это русское поле навеки вошло в историю нашей земли.

...Неподалеку от разъезда Дубо-секово, за околицей деревни Нелидово, стоит могильный холм, огороженный свитыми дубовыми прутьями и ветвями молодых елей. Над могилой укреплено деревянное надгробье, вырезанное в форме старинного рыцарского щита. На нем надпись: «Здесь похоронены погибшие смертью героев в бою у разъезда Дубо-секово гвардейцы-панфиловцы».

Днем жители всей округи узнали: правительство посмертно присвоило 28 гвардейцам звание Героев Советского Союза. Люди начали стекаться к дорожной могиле.

Еще в начале весны, когда растаял снег, они сами перевезли из окопа трупы отважных и похоронили их здесь, на сверкавшем первой зеленью лугу. Впереди траурной процессии шел колхозный кузнец Василий Александрович Шупакин. Он никогда в жизни не произносил речей. Он только сказал тогда:

— Прими, земля русская, богатырей русских!

Сегодня девушки убрали могилу свежими полевыми цветами.

Зива Шишова пришла сюда со своими подругами Валей Соленовой и Марусей Скворцовой раньше всех. Они долго стояли у могильной изгороди и не заметили, как сзади подошел кузнец Шупакин и сказал:

— Войско идет, девчата, бегите навстречу!

Собирался народ. Старушка Глазова, подведя к могиле шестилетнего Витю Мурашева, начала словно прекрасную сказку рассказывать ему все, что знала о двадцати восьми героях:

— И вот вышли они, красавцы как на подбор, в чистое поле и наставили свои ружья-пулеметы на немецкие танки-поганки... И будто от Сталина знали они такое слово чудесное, что как скажут его да как стрельнут, так машины эти немецкие и рассыпаются...

Возле могилы фронтом на запад выстроились воинские части. Среди них бойцы-гвардейцы под командованием гвардии полковника Подберезкина. Большинство из них еще не было в боях. Сдерживая волнение, они стояли у святого места гвардейской славы, и солнечные лучи дробились на их трехгранных штыках.

Многотысячный митинг открыл секретарь Волоколамского райкома партии Коротков. Люди говорили, обнажив головы.

И в краткой горячей речи волоколамского партизана Героя Советского Союза Кузина, и в простых словах колхозника Куликова, и в страстном выступ-

лении гвардии батальонного комиссара Чумакова звучали два равных в своей могучей силе чувства — любовь и ненависть. Любовь к отчизне, за которую погибли герои-панфиловцы, и ненависть к врагу, который топчет нашу землю.

И отсюда, с этого луга, у небольшой русской деревни, люди мысленно видели, каким гордым обелиском бесстрашия возвышается над нашей страной слава о 28 героях-гвардейцах. Их подвиг уже высоко вознесен крыльями легенды, и мы современники эпоса, складывающегося вокруг их имен.

Сердце народа неподкупно. Он сам судья своей чести. И, возвеличивая память о 28 героях, он вновь и вновь утверждает свое право на бессмертие: на славу, покоряющую века, на жизнь, не знающую смерти.

...Перед неподвижным строем бойцов у могилы героев гвардии подполковник Подберезкин, старый, суровый воин, произносит торжественные слова гвардейской клятвы: «Победить или умереть». Звучит команда к ружейному салюту. Троекратный залп потрясает воздух. Командиры, выйдя из строя и окружив дорогую могилу квадратом, преклоняют колени, отдавая воинскую честь погибшим. Бойцы по старому солдатскому церемониалу, держат винтовки «на караул».

Вслед за тем начинается торжественный марш войск. Идут побатальонно гвардейцы — автоматчики, пулеметчики, минометчики. Идут по широкой деревенской улице, строго держа равнение, тулко отбивая шаг.

Сумерки. Лица бойцов неразличимы. И казалось, что в этих грозных рядах движутся и 28 героев-панфиловцев, готовых вновь повторить свою жизнь, чтобы дважды отдать ее за отчизну.

Назавтра одна из частей, принявших участие в параде, пошла к линии фронта, унося с собой в бой ощущение неповторимой воинской красоты этого марша у могилы павших героев.

Бессмертен дух подвига 28 героев-гвардейцев.

Многое можно забыть в жизни — личное счастье, сегодняшнюю удачу, вчерашнюю печаль, — но подвиг панфиловцев не подвластен времени. От сердца к сердцу обошел он миллионы людей, поднимая их до себя и указывая путь к доблестной славе. В прах обратились тела героев, но имена их навеки с нами, они мерило наших возможностей, наша общая слава.

По этим чудо-богатырям будет судить о наших днях история. Ими будет вечно гордиться Россия, и дети будут в мечтах стремиться стать похожими на них, бессмертных.

...В торжественном молчании расходились люди, бросая прощальные взгляды на могилу. Народная память не даст забвению коснуться героев. Она вынесла их сюда, на окровавленную подмосковную землю. Их почетное место, их гвардейский пост — здесь, среди этих перелесков и долин, где они пали, прикрывая своим телом заветную Москву.

ТРАДИЦИИ 28 ГВАРДЕЙЦЕВ-ПАНФИЛОВЦЕВ

Великие идеи и чистые чувства укрепили силу 28 панфиловцев. Святая любовь к отчизне дала им мужество выполнить до конца воинский долг. Жгучая ненависть к врагу вызвала в их сердцах презрение к смерти и яростную решимость победить даже ценой собственной жизни. Простые советские люди, они стали героями великого народа, обнажившего меч в защиту своей чести, независимости и свободы. Миллионы воинов Красной Армии сжимают рукоятку этого меча, и его пылающее лезвие не будет вложено в ножны до окончательного разгрома врага.

В битве боец опирается на бойца, рота на роту, батальон на батальон, полк на полк. Линия обороны — это единая, прочно спаянная цепь, в которой важно и незаменимо каждое звено, каждый отдельный человек. Стоит выпасть хотя бы одному такому звену, стоит отойти хотя бы одному человеку — и цепь порвана. Отступить без приказа означает оголить фронт, открыть путь врагу, помочь ему нанести внезапный удар во фланги и тылы других подразделений. Отойти без приказа означает предать товарищей, нанести огромный вред нашей борьбе за родину, встать в один ряд с презренными изменниками отечества.

«Боец должен упорно обороняться и без приказа командира не отходить», — говорит Боевой устав пехоты Красной Армии. Хладнокровный, решительный боец, пока у него есть оружие, недоступен для

врага. Стойко оставаясь на месте, он способствует отражению неприятельской атаки.

Бесстрашие — мать победы. Смелость — самая верная броня и самое грозное оружие в бою. Где бы ни находились наши люди, в какие бы тяжелые условия их ни поставила обстановка боя, они помнят старую воинскую мудрость: «Побежден тот, кто чувствует себя побежденным». Никогда не чувствовать себя побежденным — значит не отступать ни на шаг перед неприятелем и до последней капли крови держать свои позиции. Даже если перед тобой сотни врагов, даже если один против десяти, даже если смерть глядит в лицо, — все равно нужно биться до конца. Драться с врагом, пока движется хотя бы единый мускул, пока видят глаза, пока повинуется рука, а с последним ударом сердца наносить смертельный удар фашистам и знать, что умираешь героем во имя нашей победы.

Славой венчает родина отважных, выполнивших свой долг. Презрением и суровым возмездием карает она тех малодушных, кто оставил свой боевой пост без приказа, убежал с поля боя.

Воинские положения всех времен и народов предусматривали беспощадные наказания за вольный или невольный уход из-под знамени, за бегство с позиций.

Древние египтяне обрезывали язык тому, кто отлучался от части на расстояние далее трубного звука или бежал от неприятеля.

Римский полководец Сервилий Приск собственноручно заколол копьеносца, слишком медленно шагавшего при контратаке боевых легионов.

крестьян стать на защиту отечества. Среди первых был Николай Щорс. Как только его избрали командиром объединенного отряда, он начал устанавливать в отряде крепкую военную дисциплину. Один из пунктов дисциплинарных правил, выработанных Щорсом, гласил: «Боец, вышедший из боя без приказа командира, расстреливается, как за измену».

Ленин призывал не останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы создать настоящую железную военную дисциплину. Сентиментальность, учил он, есть не меньшее преступление на войне, чем шкурничество. Тот, кто отступает от порядка и дисциплины, тот пускает врагов в свою среду.

Сегодня с новой силой звучат слова Ленина, обращенные к Красной Армии: «... кто... не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник, того надо истреблять беспощадно». В суровые дни борьбы с немецкими оккупантами Красная Армия не может потерпеть в своих рядах малодушных, мешающих честным бойцам выполнять свой долг перед родиной. Трус и предатель не могут рассчитывать на пощаду.

В тяжелые времена устояла русская земля. В петровские дни, когда Карл XII вторгся в пределы России, в годину отечественной войны, когда армия Наполеона докатилась до Москвы, — не раз на протяжении истории нашей страны казалось врагам, что гибнет русская земля. Но родилась бессмертная армия, и они бились насмерть, повертая сердца в прах своей непоколебимой стойкостью.

Не оскудела героями наша страна. Вновь и вновь мы вспоминаем бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, павших на поле брани, но не пропустивших 50 танков врага. Они были стойкими до конца, они отдали жизнь свою, но не отступили с позиций. На призыв политрука Диева-Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!» — они ответили: «Ни шагу назад!» Герои полегли мертвыми, но выполнили свой долг, ибо знали, что честный воин не служит отечеству вполсилу, а стоит насмерть, до последнего предела и своей славой побеждает смерть.

Подвиг 28 героев — венец воинской доблести нашей гвардии. Традиции этих смельчаков — закон советских воинов. Сражаться до последнего вздоха, попирая смерть, силой своей непреклонной решимости добиться победы — таково сегодня веление родины.

Великое не умирает. Бой 28 гвардейцев с 50 фашистскими танками — не пожелтевшая страница истории, а неухающий призыв к упорной борьбе, символ непоколебимой готовности нашего народа довести ее до разгрома немецких оккупантов. И когда придет этот день, первыми алыми розами победы мы украсим могилу героев-панфиловцев и у их дорогого надгробья в священном молчании мысленно станут армия, народ, Сталин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

На Красной площади	4
Казахстан на защите Москвы	9
Это было 16 ноября 1941 года	15
Отец 28 героев-гвардейцев	21
На месте легендарной битвы	30
Дивизия богатырей	32
Бессмертные герои	37
Традиции 28 гвардейцев-панфиловцев	43

Цена 20 коп.